

Чжан Вэйдун знал, что произойдёт дальше, потому что в глазах Сяо Цзюньгу прочёл нечто, чему не было названия. Сяо Цзюньгу давно не прикасался к нему, по самым грубым подсчётам — не меньше двух месяцев.

Раздевшись догола в ванной, Чжан Вэйдун лёг на кровать, раскинувшись во весь рост, и закрыл глаза. Это был максимум, на что он мог пойти ради сотрудничества, лишь бы всё поскорее закончилось. Сяо Цзюньгу, облачённый в банный халат, подошёл ближе, приглушил свет и, впившись взглядом в его мужественное тело, сел на край кровати и склонился над ним.

Их носы почти соприкасались. Чжан Вэйдун тут же затаил дыхание, его тело одеревенело.

Десять секунд, двадцать, тридцать... Наконец, не выдержав, он отвернул лицо в сторону и судорожно вдохнул.

Сяо Цзюньгу погладил его упругий живот, ощущая под ладонью жар, и хрипло произнёс:

— Перевернись. Я хочу взять тебя сзади.

Чжан Вэйдун послушался, но глаз так и не открыл.

Сяо Цзюньгу подложил ему под живот подушку, выбрал удобную позу, приготовился и резким толчком вошёл в него.

Чжан Вэйдун вцепился в простыни. Вскоре его тело покрылось испариной, губы беззвучно зашевелились.

Сяо Цзюньгу, слишком долго лишенный разрядки, почувствовал, как его член плотно охватило горячее нутро, и потерял контроль. Одной рукой он впился в талию Чжан Вэйдуна, другой стал сжимать его ягодицы так сильно, что остались следы от пальцев. Несколько мощных, глубоких толчков — и он, содрогаясь, излился внутри.

Чжан Вэйдун лежал на огромной белой кровати, чувствуя себя так, словно его внутренности только что перепахали. Текст песни, который он пытался мысленно повторять, напрочь вылетел из головы.

Зная, что Сяо Цзюньгу на этом не остановится, он собрался с духом и начал вспоминать слова заново.

Как и ожидалось, вскоре Сяо Цзюньгу вновь пошёл в наступление. Он отбросил презерватив, наполнившийся белой жидкостью, подёргал полувозбуждённый член и, прицелившись, одним махом вошёл в него снова. Затем он выхватил заранее приготовленные наручники и щёлкнул замком на запястьях Чжан Вэйдуна — движение было настолько быстрым, что тот не успел даже дёрнуться.

Лицо Чжан Вэйдунa мгновенно изменилось. Он забился, пытаясь высвободить руки, прикованные к изголовью кровати:

— Чёрт возьми! Сяо Цзюньгу, убирайся! Убирайся прочь!

Сяо Цзюньгу крепко прижал его плечи, медленно двигаясь внутри, и, склонившись к самому уху, торжествующе усмехнулся:

— Дун-цзы, кричи. Чем громче ты кричишь, тем сильнее меня заводит.

Чжан Вэйдун, пригвождённый к кровати, не мог сопротивляться. Чувствуя, как мужское естество бесцеремонно терзает его тело, он ощутил приступ тошноты и ледяной пот. Он прикусил язык, чтобы не издать ни звука, и его тело забилося в судорогах, а рот наполнился вкусом крови.

Сяо Цзюньгу продолжал действовать с грубой силой. Спустя некоторое время он похлопал Чжан Вэйдунa по щеке и с притворным удивлением спросил:

— Дун-цзы, почему ты замолчал?

Чжан Вэйдун крепко зажмурился, в уголках его глаз блеснули слёзы, отражая свет ночника.

Сяо Цзюньгу издал короткий смешок, схватил его за волосы и заставил поднять голову. Кончиком языка он слизал солёную влагу:

— Ты ведь любишь учить тексты песен? Давай, читай мне. Или можешь спеть. Что выбираешь?

Чжан Вэйдун чувствовал себя так, будто жизнь его кончена. Он едва не взмолился о пощаде, но, сглотнув кровавую слюну, лишь задрожал.

— Ну и упрямый же ты... — Сяо Цзюньгу тёрся носом о его шею и мочку уха, продолжая совершать толчки. — У нас впереди целая ночь. Посмотрим, кто из нас сломается первым. М-м... как же хорошо. Ты так сильно сжимаешь меня внутри, что я снова хочу кончить.

— Только не внутрь! — истерически вскрикнул Чжан Вэйдун, а затем, задрожав, прошептал: — Я... я буду читать.

В полумраке спальни два мужских тела, обнажённых и переплетённых, блестели от пота. Контраст между цветом слоновой кости и бронзой был пугающе ярким.

Под гнётом жестокого обращения Чжан Вэйдун впал в полузабытья, не в силах мыслить. Чужеродный предмет всё ещё оставался внутри него, такой грязный, твёрдый, угрожающий, насильно подчиняющий его волю.

Словно находясь в каком-то нереальном мире, Чжан Вэйдун начал читать строчку за строчкой. Его голос звучал хрипло, как рыдание.

Это была старая песня. Ло Даю написал её в память о писательнице Саньмао после её смерти. Глубокий смысл, прекрасная мелодия... Эту песню они оба очень любили. Они бесчисленное количество раз слушали её вместе, подыгрывали на гитаре и подпевали.

Он не понимал, почему вспомнил её именно сейчас, в самый неподходящий, самый невыносимый момент.

Вскоре голос Чжан Вэйдуна стал прерываться от слёз, а дрожащие окончания фраз звучали так, будто каждое слово было пропитано кровью.

— Летящие повсюду пушинки — это грёзы о твоей улыбке...

— Кто в этом бренном мире, где осень сменяет весну, предрешил судьбу? Ты, холодный, как лёд, скрываешь сияние, что невозможно утаить...

Сяо Цзюньгу замер. Он плотно прижался к его спине, обнимая, и в его голосе тоже послышались слёзы:

— Дун-цзы... хватит. Довольно. Остановись, не надо больше.

Он прикрыл рот Чжан Вэйдуна ладонью и уткнулся лицом в его шею, долго не двигаясь.

Он помнил каждое слово, каждую ноту этой песни — и в кантонской версии, и на путунхуа. Раньше они пели её дуэтом: строчка за строчкой, подпевая друг другу. Они пробовали менять ритм, экспериментировали с манерой исполнения. Возможно, именно потому, что они так любили эту песню, она въелась им в самую душу.

Сейчас Сяо Цзюньгу чувствовал то же самое, что и Чжан Вэйдун: эта песня не должна была всплыть в памяти в такой момент. Совсем не должна.

Спустя долгое время Сяо Цзюньгу, стиснув зубы, отстранился от тела Чжан Вэйдуна. Он выпрямился, тяжело дыша, и, лаская себя, излился горячим семенем прямо на спину партнёра.

Насладившись разрядкой, он поцеловал Чжан Вэйдуна в ухо и тихо произнёс:

— Дун-цзы, запомни хорошенько: если это повторится, если ты снова вздумаешь сбежать — я больше не буду таким мягким.

Чжан Вэйдун смутно слышал его слова, но они доносились словно сквозь гул. Он знал, что Сяо Цзюньгу кончил на него, что он снова испачкан, и ему хотелось содрать с себя кожу. Сяо

Цзюньгу повернул его лицо к себе, оценивая состояние, и, поняв, что тот готов наброситься с кулаками, поднёс к его губам две таблетки для успокоения нервов.

В глазах Чжан Вэйдун пылала ненависть, он не открывал рта.

— Не хочешь? Хорошо, так и оставим. Пока не примешь, наручники не сниму.

Чжан Вэйдун быстро сдался и открыл рот — он не мог вынести этой грязи на себе.

Сяо Цзюньгу вытер салфетками следы своей близости, расстегнул наручники, с трудом поднял Чжан Вэйдун на руки и понёс в ванную, чтобы привести его в порядок.

Он считал, что не издевается над Чжан Вэйдун, просто тот слишком привык к другому. Чжан Вэйдун не был хрустальной куклой, которую нельзя трогать. Он был крепок и силен, не развалился бы, даже если бы его мучили всю ночь, просто у него возник психологический барьер. Сяо Цзюньгу не собирался вечно идти у него на поводу: во-первых, он не святой, а во-вторых, на чём ещё, кроме секса, держались их отношения?

Он не хотел давить так сильно, но Чжан Вэйдун сам напросился. Если не проучить его сейчас, потом будет всё труднее держать его в узде.

Однако Сяо Цзюньгу не ожидал, что психологическая травма окажется куда серьёзнее, чем он предполагал.

На следующее утро Сяо Цзюньгу, облачённый в фартук, жарил яичницу. Услышав из спальни грохот разбивающихся вещей, он выключил плиту, бросил сковородку и помчался в комнату.

Чжан Вэйдун стоял на коленях у кровати. На полу валялись разбитый будильник и стакан с водой. Одной рукой он опирался на тумбочку, другой вцепился себе в горло. Он весь дрожал, а в глазах застыл такой ужас, словно он увидел привидение.

Сяо Цзюньгу перепугался — он никогда не видел у него такого выражения лица. Он бросился к нему, поглаживая по спине:

— Дун-цзы, что с тобой? Где-то болит? Не просто мотай головой, скажи хоть что-нибудь!

Чжан Вэйдун хотел ответить, но широко открыл рот, напрягся, однако из горла вырвались лишь невнятные, обрывочные звуки.

Слова не складывались, фразы не строились, он не мог контролировать даже интонацию. Только бессвязное мычание. Он потерял голос!

Это было ужасное известие. Для человека, который так стремился петь, потеря голоса была сродни смертному приговору.

Сяо Цзюньгу осознал всю тяжесть ситуации. Его лицо стало таким же бледным, как у Чжан Вэйдуна. Стиснув зубы, он заставил себя успокоиться.

Он поднял Чжан Вэйдуна с пола, усадил на край кровати и, суетясь, сорвал с него пижаму, чтобы переодеть в уличную одежду. Натянув на него брюки, Сяо Цзюньгу опустился на колени у его ног, растирая его холодные ладони, и, подняв взгляд, глубоко посмотрел ему в глаза:

— Дун-цзы, не бойся. Я сейчас же отвезу тебя к врачу. Поверь мне, всё будет хорошо.

Чжан Вэйдун сидел, словно окаменев, не в силах даже услышать его слов. В его глазах погас свет.

У Сяо Цзюньгу защемило в груди. Отвернувшись, он нашёл носки и ботинки, помог ему одеться. Достал из шкафа пуховик и шарф, укутал его, сорвал фартук и, схватив за руку, рывком поднял с места.

Он вывел обезумевшего Чжан Вэйдуна на улицу, и лишь когда их обдал холодный ветер, понял, что сам вышел в домашней одежде, даже не сменив тапочки!

Сяо Цзюньгу было уже не до того. Несмотря на мороз, он добрался до подземного паркинга и повёз Чжан Вэйдуна в больницу.

Они провели полдня в частной клинике, прошли множество обследований, сменили двух узких специалистов, но причину так и не нашли. Язык Чжан Вэйдуна был повреждён, но горло оставалось здоровым. Даже если он не мог говорить бегло, он должен был быть в состоянии произносить отдельные слова, а не превращаться в немое.

Чжан Вэйдун старательно выполнял требования врачей: открывал рот, высовывал язык, молча терпел введение инструментов в горло. Но сказать ничего не мог. В горле словно застряло лезвие, которое при каждом движении мышц резало его, превращая связки в лохмотья.

В конце концов Чжан Вэйдун отказался от дальнейших проверок, и Сяо Цзюньгу не стал настаивать. Оба понимали: проблема кроется в психике.

На самом деле лезвие разрезало не связки Чжан Вэйдуна, а его достоинство.

Сяо Цзюньгу не должен был заставлять его читать стихи, тем более — во время секса. Он осквернил то, что было для Чжан Вэйдуна самым святым.

Поэтому Чжан Вэйдун возненавидел Сяо Цзюньгу до глубины души.

Глава 16: Урон (часть 2)

Чжан Вэйдун жестоко избил Сяо Цзюньгу.

Он бил с яростью, словно перед ним была не живая душа, а скот. Кулаки и удары ног обрушились на Сяо Цзюньгу.

Сяо Цзюньгу свернулся калачиком, закрыв голову руками, и не сопротивлялся. Лишь глухо постанывал от боли, и в огромной комнате слышны были только звуки ударов по телу. Наконец, Чжан Вэйдун пнул его в угол, нанёс ещё пару ударов изо всех сил и, выбившись из сил, тяжело дыша, осел на пол.

После долгого молчания Сяо Цзюньгу с трудом поднялся.

Он тряхнул головой, вытирая вязкую кровь с носа и рта, и впился взглядом в Чжан Вэйдуна:

— Дун-цзы, ты выплеснул ярость?

Чжан Вэйдун, тяжело дыша, злобно сверлил его глазами, словно дикий зверь, готовый вцепиться в горло.

Сяо Цзюньгу сел напротив него, скрестив ноги, и крепко сжал его ладонь, голос его звучал твёрдо:

— Если мало — бей ещё, пока тебе не станет легче. А потом ложись отдыхать, завтра пойдёшь со мной к психологу.

Чжан Вэйдун не смог вырвать руку. Взбесившись, он ударил его другой рукой по лицу и, шевеля губами, беззвучно произнёс: «Убирайся».

Пощёчина была сильной. Сяо Цзюньгу, оправившись от головокружения и боли, молча смотрел на него.

Кровь, которая только что перестала течь, вновь хлынула из носа, проложила дорожку к подбородку и закапала на белую рубашку. Сяо Цзюньгу вытер её тыльной стороной ладони, но тёплая жидкость продолжала течь, и он оставил попытки её остановить, продолжая пристально смотреть на Чжан Вэйдуна.

Чжан Вэйдун встретил его взгляд, скрипя зубами. В его зрачках горела ненависть — он презирал Сяо Цзюньгу, и если бы не крайняя степень отчаяния, он не позволил бы себе даже прикоснуться к этому человеку.

Сяо Цзюньгу мягко продолжал убеждать:

— Дун-цзы, психолог — тоже врач. Если есть болезнь, её надо лечить, разве не так? Не бойся, ничего особенного. Я пойду с тобой, просто поболтаешь с доктором час-другой, и всё.

Чжан Вэйдун резко вскочил, оттолкнул Сяо Цзюньгу и, выбежав из комнаты, заперся в туалете.

Поболтать? Как же легко Сяо Цзюньгу это говорит!

О чём болтать? О том, что его содержит мужчина? О том, как этот мужчина приковывал его к кровати и насиловал до тех пор, пока он не потерял голос?

О, и заодно упомянуть, что этот мужчина был ему когда-то ближе брата?

Дело было не в страхе перед врачами, а в нежелании выставлять свои кровавые раны напоказ перед посторонними. Эту грязь, эту тьму, которую нельзя показывать людям, он предпочёл бы скрыть глубоко внутри, пусть она разъедает его до самой смерти, но он не хотел никого посвящать в свои тайны.

— Дун-цзы, — раздался за дверью голос Сяо Цзюньгу. — Мне нужно отъехать по делам. Сиди дома, никуда не ходи. Если что-то случится — напиши мне, понял?

Даже в туалете не было покоя. Чжан Вэйдун сидел на крышке унитаза, закрыв уши руками.

Сяо Цзюньгу постоял за дверью, не дождавшись ответа, и медленно, опираясь на стену, вышел из квартиры.

Чжан Вэйдун молчал уже пять дней. Эти дни были невыносимы для обоих.

Сяо Цзюньгу отменил все дела и запер Чжан Вэйдуна в доме, не позволяя никуда выходить — это был самый настоящий домашний арест. Чжан Вэйдун не желал его видеть: либо устраивал истерики, либо погружался в мертвенное молчание. Дом напоминал зону бедствия — кроме крупной мебели, почти ничего не осталось целым.

Они зашли в тёмный тупик, где не было ни согласия, ни выхода.

Как только Сяо Цзюньгу ушёл, Чжан Вэйдун выбрался из дома через окно. У парадной двери дежурили двое телохранителей, которые сменялись круглосуточно. Сяо Цзюньгу приказал им стоять у входа, чтобы лишний раз не раздражать Чжан Вэйдуна своим присутствием в гостиной.

Полчаса на метро, две пересадки на автобусе — и он наконец добрался до санатория на окраине города.

Санаторий стоял у подножия гор, в тихом и живописном месте. Уровень безопасности и профессионализм персонала здесь были на высоте. Конечно, и стоимость была соответствующей: даже с учётом всех сборов это обходилось минимум в сто тысяч в год — для Чжан Вэйдуна сумма была неподъёмной.

Сяо Цзюньгу как-то дал ему кредитку, но Чжан Вэйдун на его глазах переломил её пополам и швырнул обратно.

Он не играл в гордость. Он жил в доме Сяо Цзюньгу, носил его одежду, ездил на его машине — какая тут могла быть гордость? Просто у Чжан Вэйдуна не было тяги к материальным благам, он был неприхотлив. Раз он мог сам зарабатывать на жизнь тёти, зачем ему брать чужие деньги?

Чжан Вэйдун долго объяснялся с охранником жестами, пока тот не принёс бумагу и ручку. Затем начались долгие переговоры с сиделкой — один писал, другой говорил, и только спустя долгое время он смог узнать о состоянии здоровья тёти.

Он был подавлен. Потеря голоса доставляла массу неудобств.

Тётя Чжан Вэйдуна была ещё не стара, но выглядела как глубокая старуха лет семидесяти. Худая, измождённая, с седыми волосами и лицом, изборозждённым морщинами, она сидела в инвалидном кресле с отсутствующим взглядом, словно пустая оболочка без души.

Чжан Вэйдун опустился перед ней на корточки, но не осмеливался поднять взгляд — каждое мгновение причиняло боль.

Из-за долгой жизни в пороке и хаосе тётя перенесла множество тяжёлых гинекологических заболеваний, некоторые из которых так и не были вылечены. Её силы были исчерпаны, она действительно стала лишь тенью самой себя.

Чжан Вэйдун осторожно взял её за руку. В сердце смешалось всё: горечь, боль, обида, и лишь сладости не было ни капли.

— Дун-цзы... — тётя опустила голову и посмотрела на него, в её глазах мелькнула призрачная улыбка.

Чжан Вэйдун, поражённый, невольно издал звук.

— Ты не видел нашего Дун-цзы? На улице уже темнеет, почему он до сих пор не вернулся? — тётя, похоже, не узнала его. В её памяти Чжан Вэйдун навсегда остался подростком.

— Скоро пойдёт дождь, — она подняла голову к небу. — Если увидишь моего Дун-цзы, скажи ему, чтобы скорее шёл домой. Мне нужно взять зонт и встретить его дядю. Ох, как же быстро меняется погода...

По щекам Чжан Вэйдун покатились слёзы. Был ясный солнечный день, они грелись в лучах солнца. Трава была зелёной, небо — ярко-синим, но в его душе, как и у тёти, сгустились тучи.

— Глупый ребёнок, чего ты плачешь? Перестань, плаксой быть некрасиво.

Чжан Вэйдун с силой вытер глаза, пытаясь улыбнуться, но не смог. Он просто с надеждой смотрел на тётю.

Она улыбнулась и погладила его по волосам:

— Глаза красные, как у кролика. Расскажу-ка я тебе что-нибудь хорошее: Дун-цзы вчера снова занял первое место, я так рада! Все соседи говорят, что из него выйдет отличный человек.

Чжан Вэйдун зарыдал в голос. Он закрыл лицо руками, молясь, чтобы тётя замолчала.

В те времена, до того как дядя начал проигрывать всё в азартных играх, они жили неплохо — обычная семья, не знавшая нужды. Но с пятого класса начальной школы всё покатилося под откос. Жизнь стала невыносимой.

Дядя всегда считал его обузой, но хотя бы не выгонял из дома, лишь срывал на нём злость после проигрышей. Тётя, не связанная с ним кровным родством, любила его как родного сына и делилась последним куском хлеба.

Поэтому он из кожи вон лез, чтобы выжить — лишь бы отплатить этой женщине добром.

Чжан Вэйдун понимал, что тётя и так настрадалась, и он не мог позволить ей страдать ещё больше. Он признавал, что когда-то ненавидел её, но по сравнению с любовью, которую он к ней питал, эта ненависть была ничтожна.

Тётя была слаба и быстро устала под солнцем, её голова склонилась набок, она задремала. Чжан Вэйдун встал и медленно покатыл кресло в сторону корпуса. Он беззвучно прошептал:

— Тётя, береги себя. Живи долго-долго.

Когда Чжан Вэйдун вернулся в дом Сяо Цзюньгу, уже зажглись огни.

У дверей всё ещё стоял телохранитель. Увидев его, он с облегчением выдохнул и тут же схватился за телефон, чтобы доложить о возвращении.

<http://bllate.org/book/20766/2083747>